

установить всенародное празднованіе нынѣшняго дня навсегда.

— Возблагодаримъ, братіе, дивнаго во святыхъ своихъ Господа Бога, воздвигшаго намъ отъ среды братій нашихъ помощника и молитвенника о землѣ русской! Будемъ подражать его подвигамъ своею любовью къ вѣрѣ Христовой, Царю Православному и нашему любезному отечеству, да сподобить и насъ Милосердый Господь участія въ своемъ небесномъ царствіи со святыми. Аминь.

Священникъ *Симеонъ Покровский*.

Причины религіознаго индифферентизма въ современномъ обществѣ.

(Публичное чтеніе въ залѣ Астраханской а. Семинаріи въ пользу Попечительства о бѣдныхъ ученикахъ Семинаріи).

Позвольте предложить вашему просвѣщенному вниманію сильное выясненіе вопроса о причинахъ религіознаго индифферентизма въ современномъ обществѣ. Едвали кто-нибудь изъ насъ рѣшится назвать этотъ вопросъ не заслуживающимъ внимательнаго обсужденія. Если такое или иное отношеніе наше къ различнымъ и не особенно крупнымъ явленіямъ жизни въ области наукъ, искусствъ, промышленности, международныхъ отношеній не можетъ являться дѣломъ совершенно безразличнымъ и заставляетъ насъ внимательно вдумываться и обсуждать его причины,—то отношеніе общества къ христіанству, этой всемірной религіи, исповѣдуемой 200 милліоновъ людей въ самыхъ культурныхъ государствахъ міра, къ Божественной истинѣ, высота и плодотворность которой не отрицается даже и рѣшительными противниками христіанства,—заслуживаетъ, несомнѣнно, самага глубокаго нашего вниманія.—Вотъ уже 19 вѣковъ христіанство проливаетъ свои живительные лучи на всѣ стороны человѣческой жизни; всюду, куда только не проникаетъ христіанство, оно производитъ благодѣтельный нравственный переворотъ, перерождаетъ отжившія и умирающія формы

языческой жизни и всюду вносить новый животворный духъ. Всѣ стороны человѣческой жизни, подъ вліяніемъ высокихъ и благотворныхъ началъ любви и нравственной свободы, постепенно преобразовываются, совершенствуются и сбрасываютъ съ себя ту узкую ограниченность, эгоистическій характеръ, который давало жизни язычество. Жизнь общественная, семейная, отношеніи международныя, науки, искусства — все это испытало благодѣтельное вліяніе христіанства; создалась такъ называемая — христіанская культура, которая поставила народы, исповѣдующіе христіанство, на недосыгаемую высоту во всѣхъ отношеніяхъ, сравнительно съ народами не христіанскими, выработывавшими формы своей жизни независимо отъ христіанства. Неложная свидѣтельница благотворнаго вліянія христіанской религіи на жизнь царствъ и народовъ — всемірная исторія; она смотритъ на христіанство, какъ на центральное явленіе во всей исторической жизни человѣчества, явленіе глубочайшей, исключительной важности, при посредствѣ котораго только и возможно объяснить историческую жизнь христіанскихъ народовъ. Безконечно благотворное вліяніе христіанство проявляетъ по отношенію къ человѣческой личности. Человѣкъ, воспринятый, по христіанскому ученію, въ тѣснѣйшее единеніе съ Богомъ чрезъ І. Христа, искушенный отъ грѣха, призванный къ святости и получившій всѣ, необходимыя для нравственнаго очищенія и достиженія высокаго христіанскаго идеала, силы и средства, — дѣйствительно возводится на такую высоту, какал, несомнѣнно, не могла и представляться человѣку внѣ христіанства. Въ отношеніи къ человѣческой личности христіанство является дѣйствительно необычайною силою, совершающей чудеса. Та же исторія представляетъ намъ цѣлый рядъ личностей, осуществившихъ въ своей жизни высокія начала христіанской религіи; не говоря уже о Божественной Личности Иисуса Христа, мы упомянемъ объ Апостолахъ Павлѣ, Іоаннѣ Богословѣ, свв. Аеанасіи Великомъ, Григоріи Богословѣ, Іоаннѣ Златоустѣ, Макаріи Египетскомъ, святыхъ мученикахъ, христіанскихъ аскетахъ — подвижникахъ: духовный обликъ всѣхъ этихъ лицъ до сихъ поръ свѣтитъ немерцающимъ блескомъ,

ихъ нравственная жизнь, развившаяся подъ постояннымъ вліяніемъ христіанства, представляетъ стройную гармонію, въ которой, подъ воздѣйствіемъ христіанства, сглажены были почти все грѣховныя односторонности,—въ нихъ намъ открывается человекъ въ своемъ истинномъ величіи и достоинствѣ, возвращенномъ ему христіанскою религіею, и вмѣстѣ съ тѣмъ открывается могущественная нравственная сила христіанства, способная изъ немощнаго человека создавать такіе прекрасные и величественные образы. И такъ,—смотримъ ли на христіанскую религію со стороны ея вліянія на жизнь цѣлыхъ народовъ, или вчастности на отдѣльную личность,—въ томъ и другомъ случаѣ она открывается намъ, какъ великая историческая и нравственная сила, требующая къ себѣ самаго глубокаго жизненнаго вниманія.

Присматриваясь къ современному обществу, къ его обычаямъ въ жизни общественной и семейной—домашней, мы не можемъ не замѣтить въ огромномъ большинствѣ въ особенности представителей такъ называемаго интеллигентнаго передоваго класса далеко ненормальное отношеніе къ христіанской религіи. Вмѣсто внимательнаго изученія христіанской истины, мы находимъ или полное незнаніе ея, или обрывки знанія христіанскихъ догматовъ, сохранившіеся еще съ дѣтства, послѣ нерѣдко неудовлетворительнаго изученія школьнаго учебника; вмѣсто заботливаго проведенія въ жизни высокихъ христіанскихъ правилъ, которыми только и обусловливается нормальное развитіе богоподобной человѣческой личности, замѣчаются обычаи, напоминающіе языческую старину; серьезнаго взгляда на жизнь, открываемаго намъ христіанскою религіею, трудно встрѣтить, особенно среди лицъ, пользующихся здоровьемъ, богатствомъ и прочими земными благами. Но можно ли назвать отношеніе современнаго общества къ христіанству враждебнымъ, полнымъ отрицаніемъ основныхъ христіанскихъ догматовъ, ближайшимъ слѣдствіемъ котораго является открытое невѣріе и безбожіе? Во всякомъ случаѣ, нельзя. Враждебное отношеніе къ христіанству всегда почти предполагаетъ сознательное отрицаніе христіанскихъ истинъ, основанное на цѣломъ

рядъ различныхъ доказательствъ, направленныхъ противъ нихъ; типичными представителями такого отношенія являются напр. древній философъ Цельсъ, Вольтеръ, матеріалисты, сознательно отрицавшіе христіанство и до нѣкоторой степени убѣжденно противопоставлявшіе ему цѣлый арсеналь соображеній; указанные и подобные имъ противники христіанства не скрывали своей вражды къ нему, отрицали истинное значеніе Личности І. Христа, не признавали высоты открытаго Христомъ нравственнаго закона и, въ полномъ сознаніи своей правоты, старались послѣдовательно во всемъ уклоняться отъ воздѣйствія христіанскихъ началъ въ своей жизни. Такіе люди не скрывали своихъ убѣжденій, пропагандировали свои идеи, такъ что всякому, кому приходилось сталкиваться съ ними въ жизни, было вполне ясно, съ кѣмъ приходится имѣть дѣло и въ какія отношенія необходимо вступить съ ними. Но подобнаго отношенія къ христіанству мы, пожалуй, не встрѣтимъ въ современномъ обществѣ, кромѣ только развѣ весьма рѣдкаго исключенія, обычно въ томъ случаѣ, когда какой-нибудь либераль-недоучка вздумаетъ похвастаться своимъ либерализмомъ, повторяя въ присутствіи довѣрчивыхъ и малознающихъ юношей зады изъ ученія уже сошедшихъ со сцены и низверженныхъ со своихъ пьедесталовъ корифеевъ 60-хъ годовъ матеріалистическаго направленія. Нѣтъ, христіанство уже успѣло заявить себя въ достаточной степени, какъ величайшее историческое явленіе, враждебное отрицательное отношеніе къ которому въ настоящее время всѣми серьезными людьми будетъ сочтено вѣрнымъ показателемъ крайней ограниченности и умственной и нравственной, и полного незнанія исторіи; если многіе отрицательно относятся къ догматической сторонѣ христіанства, то во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, никто не рѣшается отрицать необыкновенную высоту и благотворность его нравственнаго ученія, — и полное отрицаніе христіанства не встрѣтитъ себѣ сочувствія и распространенія. Въ религіозной жизни нашего интеллигентнаго общества мы усматриваемъ просто холодное, безразличное отношеніе къ христіанству, отношеніе, извѣстное подъ именемъ индифферентизма. Индифферентизмъ — это не

открытая вражда противъ христіанства, беспощадное отрицаніе его догматовъ и нравственныхъ предписаній. Индифферентизмъ, разсматриваемый съ внѣшней стороны, въ своихъ проявленіяхъ, не занимаетъ никакого опредѣленнаго положенія по отношенію къ христіанству; индифферентистъ не настроенъ враждебно противъ христіанства, онъ не отрицаетъ его догматическаго ученія, признаетъ высокое достоинство за его правоучительною стороною, при случаѣ онъ готовъ выступить даже въ качествѣ апологета христіанства, раскрывши при благоприятныхъ обстоятельствахъ рядъ богословскихъ доказательствъ въ пользу какого-либо догмата; не проявляетъ онъ такого отношенія и къ сокровищницѣ христіанской истины — св. церкви, по временамъ онъ посѣщаетъ церковныя службы, бываетъ у таинствъ исповѣди и св. причащенія, допускаетъ церковныя молитвословія и у себя въ домѣ; — что бы, кажется, могло быть лучше, чего же еще можно требовать отъ христіанина? Къ сожалѣнію, этими внѣшними проявленіями и исчерпывается все христіанское содержаніе индифферентиста; но замѣните вы въ душу такого человѣка, въ его настроеніе, вы увидите, что внѣшнія христіанскія проявленія не соответствуютъ внутреннему содержанію; въ душѣ индифферентистъ относится къ христіанству совершенно безразлично — ни враждебно, ни дружественно, — ни положительно, ни отрицательно, — въ настроеніи его нѣтъ данныхъ для этихъ проявленій и они оказываются совершенно случайными, онъ допускаетъ ихъ или по привычкѣ, или просто по тому, что такъ всѣ дѣлаютъ, — а не въ силу внутренней религіозной потребности, когда внѣшняя религіозная дѣятельность развивается изъ внутренняго религіознаго настроенія, а не изъ внѣшнихъ мотивовъ. Для индифферентиста христіанская религія не жизнь, а или дѣло привычки, или украшеніе; онъ признаетъ догматы не потому, что безъ нихъ онъ не можетъ ни понять, ни правильно устроить жизнь своего духа, и не потому, что они составляютъ потребность для него насущную, рѣшеніе мучащихъ его сомнѣній и вопросовъ, а просто потому, что онъ съ дѣтства привыкъ къ этимъ истинамъ, знаніе христіанства составляетъ лишнее пріобрѣтеніе

его ума, украшеніе жизни, безъ котораго можно легко и обойтись, и которое индифферентистъ готовъ, пожалуй, съ легкимъ сердцемъ перемѣнить на что-либо другое. Для индифферентиста христіанская истина не глубочайшее убѣжденіе сердца, а лишь только вѣроятность, — весьма увлекательная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и страшная гипотеза, въ которой однако онъ далеко не увѣренъ и не стремится достигать особенной увѣренности, такъ какъ безъ этой гипотезы онъ готовъ легко обойтись, какъ можетъ обойтись и безъ всякаго другаго какого-либо несущественнаго для жизни знанія. Для индифферентиста христіанская религія — не внутренняя сила, которая заправляла бы и мышленіемъ, и чувствами, и желаніями, и дѣятельностью, въ корнѣ бы перерабатывала нравственный строй личности и дѣлала бы изъ человѣка по духу истиннаго христіанина, — а простое знаніе, не оказывающее ровно почти никакого вліянія на жизнь человѣка. Индифферентно настроенный человѣкъ, если иногда выступаетъ даже въ качествѣ апологета христіанской истины, то дѣлаетъ это не изъ святой ревности объ истинѣ, не вслѣдствіе внутренней глубокой привязанности къ христіанскимъ убѣжденіямъ и справедливаго негодованія противъ тѣхъ, кто отрицаетъ эти убѣжденія, — а просто потому, что подобныя условія даютъ возможность блеснуть краснорѣчіемъ, пріобрѣсти популярность, или завоевать себѣ почетное имя мученика истины; тотъ же случайный защитникъ христіанства при другихъ обстоятельствахъ не прочь и самъ поглумиться надъ той истинной, которую усердно защищалъ; но и это опять дѣлаетъ не въ силу враждебнаго отношенія къ истинѣ, а по чисто случайнымъ побужденіямъ. Если индифферентистъ посѣщаетъ церковное богослуженіе, то во всякомъ случаѣ не потому, что молитва въ храмѣ Божиѣмъ составляетъ для него насущную потребность и важнѣйшую и самую первую обязанность, — различныя домашнія обстоятельства, торговыя дѣла, неотложныя занятія и просто дурная погода всегда могутъ удержать его отъ посѣщенія храма Божія, безъ всякаго укора совѣсти, безъ малѣйшаго сожалѣнія о чувствахъ и настроеніяхъ, какія могли бы быть пережиты въ храмѣ за церковнымъ богослуженіемъ.

Этими чертами, надѣмся, въ достаточной степени характеризуется отношеніе индифферентиста къ христіанской религіи, къ церкви и ко всему вообще, имѣющему на себѣ печать религіи Христовой. Отношеніе это охарактеризовано въ Апокалипсисѣ, въ словахъ къ Ангелу Лаодикійской церкви: „ты ни холоденъ, ни горячъ“ (Апок. III 15). Индифферентистъ не относится враждебно отрицательно къ христіанству, но онъ и не отдаетъ подобающаго ему мѣста въ своемъ настроеніи и жизни; онъ ни другъ, ни врагъ,—онъ какъ бы чужой посторонній, не отрицающій христіанской религіи, но и принимающій ее лишь въ той мѣрѣ, въ какой она не мѣшаетъ обычному теченію жизни, не нарушаетъ ея строя, не идетъ въ разрѣзъ укоренившимся склонностямъ и страстямъ: проповѣдь о самоотверженіи и несеніи креста индифферентистъ пропуститъ мимо ушей, развѣ только ограничится благочестивыми воздыханіями, продолжая однако послѣ нихъ спокойную жизнь по прежнему; но ученіе о всепрощающей любви Божіей къ грѣшникамъ онъ приметъ, находя въ этой любви, односторонне понятой, источникъ внутренняго спокойствія во всѣхъ своихъ безобразіяхъ и нравственныхъ паденіяхъ; къ требованію устава относительно подвиговъ поста въ св. сорокатыницу, усиленнаго ограниченія въ пищѣ и питіи, продолжительнаго моленія въ церкви и дома, дѣлъ благотворительности индифферентистъ относится или холодно, или критически, или по меньшей мѣрѣ представитъ тысячу извиненій своей слабости, а указанія устава объ „утѣшеніи вѣліемъ“, о „разрѣшеніи на все“ въ св. Пасху онъ принимаетъ всецѣло, являясь въ данномъ случаѣ ревностнымъ христіаниномъ, исполнителемъ предписаній св. церкви. — Изъ этихъ и подобныхъ примѣровъ видно, что для индифферентиста христіанская религія составляетъ не главную и самую существенную цѣль жизни, а средство, которымъ онъ пользуется по своему усмотрѣнію; въ жизни и дѣятельности онъ руководствуется совершенно посторонними и по большей части враждебными религіи интересами; называя себя христіаниномъ и внѣшне дорожа этимъ священнымъ именемъ, онъ стремится не къ всестороннему развитію въ себѣ христіанскаго

образа, начертаннаго въ Евангеліи, не къ сообразованію своей жизни не по вѣшности, но и по духу съ требованіями св. Церкви,—но или къ пріобрѣтенію богатства, или къ чести, рѣдко къ наукамъ и искусствамъ и всецѣло изъ одного какого-либо идола міра сего высокой или низкой пробы создаетъ себѣ все содержаніе своей жизни.

Но христіанство не терпитъ такого отношенія къ себѣ и наказываетъ тѣхъ, кто относится безразлично къ нему, кто въ немъ не поставляетъ главнаго предмета своихъ знаній, основной цѣли своей жизни, предѣльнаго момента своихъ желаній. Не излагая основаній въ пользу истинности и божественнаго происхожденія христіанства, что не входитъ въ нашу задачу, мы высказываемъ, какъ истину, въ которой, навѣрно, изъ присутствующихъ здѣсь никто не сомнѣвается,—что христіанство есть высочайшая и совершеннѣйшая религія, что въ немъ мы видимъ откровеніе Самого Бога, Который явилъ Себя людямъ чрезъ Своего Единороднаго, воплотившагося ради насъ, пострадавшаго, умершаго, воскресшаго изъ мертвыхъ и вознесшагося на небо Сына Божія, І. Христа; въ христіанской религіи любовь Божія сошла для искупленія падшаго человѣка, коснѣющаго во тьмѣ грѣховной,—и чрезъ Христа Іисуса Божественною благодатію Св. Духа во святой Церкви самымъ дѣломъ совершаетъ это искупленіе, возводя человѣка „на первое блаженство“, дѣлая его снова сыномъ Божиимъ, причастникомъ Божественнаго естества. Изъ этого видно, что христіанство открываетъ намъ путь ко спасенію,—но вмѣстѣ съ тѣмъ оно и совершаетъ самое дѣло спасенія нашего, что оно, слѣдовательно, не только знаніе извѣстныхъ истинъ высочайшихъ, но и сила Божія во спасеніе всякому вѣрующему, не только отвлеченная доктрина, но и опредѣленная дѣятельность, требующая самаго энергичнаго нашего участія и по мѣрѣ его награждающая человѣка христіанина всѣми благотворными плодами, какіе неразрывно связаны съ постепеннымъ ростомъ въ насъ христіанской жизни. Христіанство даетъ своимъ послѣдователямъ безчисленныя блага, но только при единственномъ условіи всецѣлаго безраздѣльнаго преданія ему себя, тщательнаго проник-

новенія его началами и въ мысли и дѣятельности. Христіанство всецѣло отрицаетъ грѣхъ и тѣ формы и обычаи жизни, въ которыхъ нашло себѣ приютъ наше грѣховное настроеніе; оно не допускаетъ раздвоенности въ человѣкѣ и незаконной сдѣлки между требованіями христіанской религіи и грѣхомъ человѣческимъ. I. Христосъ отрицаетъ служеніе Богу и мамонѣ; всѣ силы души человѣка, вся его жизнь, все настроеніе должны быть вполнѣ отданы Христу.

Препод. Сем. Свящ. *Ник. Лютинскій.*

(Продолженіе будетъ).

Армяне въ Астраханской епархіи, и отношеніе къ нимъ мѣстныхъ Архипастырей въ 18-мъ вѣкѣ.

(Продолженіе См. № 15 «А. Е. В.» 1900 г.).

1762—1800 г.г.

Привыкъ въ Россію иностранныхъ поселенцевъ. Продѣлки иновѣрцевъ въ Астрахани и безчинства на ихъ фабрикахъ. Разрѣшеніе построекъ армянъ, церквей и дѣлованіе правъ иностранцамъ. Учрежденіе въ Астрахани Общаго суда Азіантъ. Подчиненіе армянъ въ духовныхъ дѣлахъ армян. патриарху. Упроченіе армянъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ. Устраненіе православія. архіереевъ отъ вмѣшательства въ дѣла армянъ. Усилія армянскаго Гатсгауза и Суда къ отвращенію армянъ отъ присоединенія къ православію; ходатайство предъ св. Синодомъ объ изданіи стѣснительныхъ мѣръ относительно присоединяющихся; вмѣшательство въ это дѣло губернскаго магистрата.

При вступленіи своемъ на престолъ Императрица Екатерина II постановила главнымъ правиломъ, какъ выражено было въ манифестѣ отъ 4 декабря 1762 года, чтобы «навсегда имѣть Монаршее попеченіе и трудъ о тишинѣ и благоденствіи всей Намъ ввѣренной отъ Бога пространной имперіи и объ умноженіи въ оной обитателей». Своихъ подданныхъ для заселенія обширной Россіи не хватало; многія мѣста ея, особенно крайныя, оставались пустыми. Вотъ почему и рѣшено было пригласить для сей цѣли иностранныхъ поселенцевъ всѣхъ націй, кромѣ жидовъ, при чемъ «наиторжественнѣйшимъ образомъ» объявлялось отъ имени Императрицы, что «всѣмъ, приходящимъ къ поселенію въ Россію, Наша Монаршая милость и благоволеніе оказывана будетъ»¹⁾.

¹⁾ Манифестъ при ук. св. Синод. отъ 15 янв. 1763 г. № 220.